

Larchet J.-C. Personne et nature. La Trinité — Le Christ — L'homme. Contributions aux dialogues interorthodoxe et interchrétien contemporains. P.: Cerf, 2011. 403 p.

Ж.-К. Ларше, православный патролог и богослов, широко известен в мировой науке как автор более 20 монографий, посвященных различным сторонам христианского духовного и богословского наследия. В сфере его интересов широкий круг самостоятельных тем: от вопросов сугубо текстологических и исторических до актуальных проблем биоэтики. Особенности заслуги принадлежат нашему автору в изучении наследия преподобного Максима Исповедника, которому он посвятил не одну монографию, а также перевел на французский язык и опубликовал ряд его творений. За последние годы количество монографических публикаций Ж.-К. Ларше заметно увеличилось¹. Ж.-К. Ларше уже хорошо знаком и российскому читателю. За прошедшие десять лет вышло несколько его книг в переводах на русский язык, а в апреле 2012 г. он посетил с научным визитом Богословский факультет ПСТГУ, встретившись с профессурой и выступив с программным докладом на научно-методологическом семинаре².

Следует отметить одну особенность, присущую нашему автору: Ж.-К. Ларше всегда чутко улавливает актуальность той или иной научно-богословской проблемы, и вся его обширная эрудиция находит себе прямое применение в ходе компетентного и аргументированного разбора избранной темы, поскольку целевая аудитория фундаментальных научных исследований Ж.-К. Ларше — это христиане, ищущие углубления и упрочения своей веры. Настоящая публикация, озаглавленная как «Лицо³ и природа. Троица — Христос — Человек: Вклад в современный межправославный и межхристианский диалог», дает тому яркий пример. Как отмечает сам автор, в данном случае эта актуальность многозначна: проблема личности встает, во-первых, в связи с давней дискуссией между православными, католиками и протестантами по вопросу об исхождении Святого Духа, во-вторых, в ходе диалога между православными и нехалкидонитами в связи с вопросом о лице и природах Христа, наконец, в полную силу она была поставлена и сформулирована рядом православных богословов в середине XX в. и продолжает оставаться весьма заметным фактором в современных богословских дискуссиях. Круг перечисленных линий развития темы находит свое последовательное отражение в основном содержании книги, состоящей из четырех разделов: 1) вопрос об исхождении Святого Духа (диалог с римо-католиками); 2) и 3) христологическая проблема в контексте современного и историческо-

¹ См., в частности, рецензию на вышедшую в 2010 г. книгу, посвященную историко-богословскому анализу проблемы божественных энергий: *Larchet J.-C. La théologie des énergies divines. Des origines à saint Jean Damascène*. P., 2010 // Вестник ПСТГУ. Серия 1. Богословие. Философия. 2010. Вып. 3 (31). С. 135–141.

² Расширенную версию доклада «Что такое богословие?» см. в: Вестник ПСТГУ. Серия 1. Богословие. Философия. 2012. Вып. 3 (41). С. 117–131.

³ Следует обратить внимание на нюансированность персоналистской терминологии. Для передачи понятия личности во французском языке имеется несколько слов: *personne* — лицо (англ. *person*), *personnalité* — личностность (англ. *personhood*), *personnalité* — личность (англ. *personality*).

го диалога с нехалкидонитами; 4) богословие личности в современном православном богословии. Эти вполне самостоятельные разделы уже публиковались в виде отдельных статей и выступлений. Некоторые из них были переведены на многие языки и стали референтными публикациями по теме. В частности, материалы христологического раздела были опубликованы и на русском языке⁴. При подготовке к настоящему изданию они были переработаны и обновлены. Первое исследование «Вопрос Filioque: в связи с “Разъяснением”, представленным Папским советом по содействию христианскому единству», посвящено критическому анализу документа, опубликованного в 1995 г., в котором принимается попытка примирить католическое учение об исхождении Святого Духа с православным учением о единоначалии Отца. Второе и третье исследования посвящены христологическим темам в связи с многолетними дискуссиями с представителями монофизитского христианства — нехалкидонитами. Последнее исследование, посвященное проблеме личности в современном православном богословии, публикуется впервые и для сегодняшней церковной науки представляется наиболее актуальным, поэтому на нем я сосредоточу преимущественное внимание.

Четвертый раздел книги, «Лицо и природа: православная критика персоналистских теорий Христа Яннараса и Иоанна Зизиуласа», давший название всей книге, составляет около половины общего объема монографии. Тема богословия личности, разбираемая в этом разделе, весьма звучна и в отечественной богословской и академической среде⁵. Отчасти это можно объяснить тем обстоятельством, что именно русские философы и богословы, такие как Н. А. Бердяев, В. Н. Лосский и другие, внесли заметный вклад в мировое развитие философии персонализма первой половины XX в. Сегодняшняя популярность персоналистского богословия, по мнению Ж.-К. Ларше, заключается в том, что оно удовлетворяет запросам диаметрально противоположных направлений православной мысли — от крайних либералов до строгих традиционалистов. Для первых в персонализме привлекательны широкие возможности обновления церковной жизни в самых разных областях — в догматике, литургике и христианской этике; последние видят в персонализме мощный критический заряд против эссенциализма западной богословской традиции.

Не случаен выбор для критического разбора двух действующих авторов — Яннараса и Зизиуласа, признанных лидеров современного персоналистского богословия, активно работающих в этой области начиная с 60-х гг. и обративших внимание на возможности богословия личности не только богословов братских конфессий, но и внеконфессиональных философов и публицистов. У обоих своя сфера влияния: Яннарас, будучи в большей степени религиозным философом, чем богословом, получил признание в академической среде; Зизиулас, ставший

⁴Христологический вопрос. По поводу проекта соединения Православной Церкви с Дохалкидонскими Церквями: нерешенные богословские и экклезиологические проблемы // Богословские труды. 2007. Вып. 41. С. 146–211; Исторические предпосылки антихалкидонизма и монофизитства Армянской Церкви (V–VIII вв.) // Богословский вестник. 2008. Вып. 7. С. 144–199.

⁵Достаточно сослаться на книгу С. А. Чурсанова «Лицом к лицу: Понятие личности в православном богословии XX века», вышедшую в издательстве ПСТГУ в 2012 г. уже третьим изданием.

в 1986 г. митрополитом Пергамским в юрисдикции Константинополя, будучи по преимуществу богословом, имеет влияние главным образом в церковных кругах. Сообразно этому, каждому мыслителю принадлежит своя область применения персоналистских концепций: Яннарас в большей степени разрабатывал свои идеи в области психологии и политической философии; Зизиулас предпринял выдающуюся попытку «реинтерпретации», или, иными словами, переработку догматики, экклезиологии и православной духовной традиции.

Во вступительном разделе Ж.-К. Ларше предлагает обзор предшественников современного персонализма, отмечая вклад Н. А. Бердяева, В. Н. Лосского, прот. Думитру Станилоэ, архим. Софрония Сахарова и констатируя умеренность их концепций. Иначе он оценивает характер персоналистских концепций Яннараса и Зизиуласа: их идеи гораздо более проблематичны по причине своей радикальности, концентрированности и систематичности; они представляют собой своеобразную идеологию, на основе которой предпринимаются попытки переосмысления богословия, антропологии, космологии, экклезиологии и православной духовности, и тем самым коренного изменения традиционного православного учения и устройства жизни. Под идеологией Ж.-К. Ларше в данном случае понимает некую теоретическую систему, исходящую из какого-либо избранного элемента реальности (как экономика для марксизма или бессознательное для Фрейда) и претендующую на фундаментальное переосмысление всей целостности мировоззрения. Для персонализма таким исключительным элементом реальности, как явствует из самого названия, служит понятие личности.

Ж.-К. Ларше не умаляет несомненные заслуги богословского персонализма. Он положительно оценивает его потенциал в некоторых областях церковной жизни и мысли: богословам-персоналистам удается убедительно показать, что Бог не есть безличное Бытие, но три Лица; достаточно эффективна их критика современного западного субъективизма и индивидуализма, за которыми кроется другая крайность — политический, экономический и технологический тоталитаризм. Наконец, нельзя не оценить открытость богословов-персоналистов к современным проблемам и готовность к диалогу с современной мыслью. Тем не менее по своему характеру исследование Ж.-К. Ларше представляет собой критику богословского персонализма, порой чрезвычайно жесткую.

Собственный метод наш автор формулирует достаточно отчетливо: он заключается в исследовании наиболее проблематичных аспектов в теориях Яннараса и Зизиуласа, выявлении их источников и параллелей с другими представителями персонализма и экзистенциализма и оценке этих аспектов с точки зрения православной, прежде всего патристической традиции. Структура основного содержания исследования отчетливо следует так сформулированному методу. В первом разделе рассматриваются теоретические аспекты персоналистских концепций Яннараса и Зизиуласа: их источники и методология. Второй раздел посвящен выявлению последствий основных положений их учений, примененных к различным областям церковной мысли и жизни, их анализу и сопоставлению со святоотеческим наследием. Следует отметить, что исследование Ж.-К. Ларше опирается на обширную научную литературу, посвященную критическому осмыслению общих и частных тем богословского персонализма.

Основная часть исследования построена на последовательном сопоставлении ключевых положений персоналистских концепций упомянутых мыслителей с соответствующими категориями патристической мысли. Это сопоставление самым недвусмысленным образом демонстрирует порою совершенное различие современных персоналистских систем со святоотеческим пониманием обсуждаемых предметов. Впрочем, если бы Зизиулас или Яннарас не обращались к святым Отцам за подтверждением своих идей, у Ж.-К. Ларше не было бы весомого основания для такого красноречивого сопоставления, однако греческие богословы неоднократно и самым прямым образом апеллируют к патристическому аргументу, настаивая на своей приверженности традиционному видению ключевых понятий — природы, сущности, ипостаси, лица и личности. При этом следует отдавать себе отчет в том, что последняя категория, в том виде, как она употребляется в современной философской и богословской мысли, неизвестна святоотеческому сознанию.

В первом разделе Ж.-К. Ларше убедительно доказывает, что характер рассматриваемых концепций по своей природе является не богословским, а философским; идеи Яннараса и Зизиуласа он относит к области религиозной философии, а не церковной догматики. Герои исследования видятся нашему автору в широкой перспективе русских религиозных мыслителей, начиная с В. С. Соловьева, о. Павла Флоренского, прот. Сергия Булгакова и заканчивая поздними представителями так называемой «парижской богословской школы». Резоном для такой атрибуции служит выраженный авторский характер их публикаций, концептуальный и спекулятивный стиль, широкая опора на философскую литературу с многочисленными вкраплениями библейских и святоотеческих цитат, понятий и идей, которые привлекаются не в качестве нормативных источников, а как иллюстрации, призванные подтвердить авторские идеи. Базовыми источниками для них служат прежде всего философские тексты, причем преимущественно относящиеся к XX в., к традициям персонализма и экзистенциализма. Их проводниками выступают прежде всего Н. А. Бердяев, М. Хайдеггер, Э. Мунье и другие. Это дает основание Ж.-К. Ларше сделать промежуточный вывод: во-первых, в наших авторах нельзя признать адекватных выразителей православной идентичности; во-вторых, в их идеях нельзя увидеть чего-то принципиально нового, с точки зрения современной философии.

Второй раздел рубрицирован наиболее подробно. Он состоит из пяти глав. В первой, наиболее важной по своему содержанию и значению методологической и теоретической части всего исследования, выявляются те самые «проблематичные» элементы персонализма Яннараса и Зизиуласа, которые в последующих главах рассматриваются с точки зрения их использования в различных областях церковной жизни. Здесь в полную меру находит себе применение сформулированный Ж.-К. Ларше метод критического сопоставления персоналистских идей со святоотеческим наследием.

Одним из двух базовых принципов персоналистского богословия является строгая оппозиция между понятиями ипостаси, или лица, с одной стороны, и понятиями сущности, или субстанции, или природы — с другой. Эта оппозиция качественно отличается от логического различения; она накаляет отношения

двух сторон, разводя их до предела. Она находится в русле развития современной философии, работающей на конфликтном противопоставлении сущности и существования, эссенции и экзистенции, метафизики и бытия как такового. И в персоналистском богословии решительное предпочтение отдается второй категории. Первая — сущность, природа, субстанция — оценивается негативно вплоть до своего полного отрицания.

Здесь следует сделать одно уточнение. При анализе персоналистского богословия важно всякий раз отчетливо понимать, в какой именно предметной области вращается богословская мысль — в теологической или антропологической? В зависимости от сферы применения должны корректироваться используемые рабочие инструменты — основные понятия персонализма. Как кажется, сами богословы-персоналисты несколько недооценивают значение этого требования, что приводит ко многочисленным недоразумениям. Как показывает Ж.-К. Ларше, негативная оценка сущности, или природы, относится не только к природе павшего человечества, но и к божественной природе сравнительно с божественными ипостасями, что дает основание исследователям именовать эту тенденцию как «усиомахию», а само явление — как «редукцию сущности к лицу» или как замещение «онтологии персонологией». Ряд приведенных Ж.-К. Ларше цитат из публикаций Яннараса (см. с. 235) недвусмысленно показывает, что «усиомахия» распространяется и на божественную природу, находящуюся в некоей смысловой напряженности с божественными лицами.

Вторым базовым различием персонализма является известное противопоставление лица индивиду, личности индивидуальности, с отрицательной оценкой последнего. Богословы-персоналисты, по всей видимости, не замечают, что именно индивид, или «атомон», является первейшим предикатом ипостаси. Ведь именно так формулируются наиболее расхожие определения ипостаси в латинской и греческой традициях: «ипостась есть индивидуальная субстанция природы» (Бозций), «ипостась означает неделимое, различающееся по числу» (прп. Иоанн Дамаскин). По мысли персоналистов, различие личности и индивида касается прежде всего человеческой природы. Индивид сводится к биологической, психологической или социологической ипостаси; свобода, творчество, подлинное бытие закрепляются за личностью.

Важной особенностью персоналистской традиции является постулат о первичности личности, или лица, по отношению к природе, о ценностном преимуществе ипостаси перед сущностью. Ж.-К. Ларше выстраивает такие ценностные ряды: за сущностью закреплены природа, данность, необходимость, закон; за лицом — отношение, свобода, любовь, благодать. В связи с тем или иным решением вопроса о соотношении сущности и ипостаси, природы и лица, субстанции и личности, можно говорить о двух крайностях — эссенциализме, в котором сущность опережает и определяет ипостась, и экзистенциализме, или персонализме, в котором, наоборот, лицо или личность опережает и определяет сущность. Как удастся показать нашему автору, Каппадокийцы, богословие которых в связи с этим вопросом интерпретируется по-разному, умели соблюсти здесь золотую середину, не впадая ни в одну из крайностей, ибо их задачей было утвердить одновременно как единство, так и троичность в Боге. Персонализм же

вполне закономерно впадает во вторую крайность, отдавая безусловное предпочтение ипостаси, лицу и личности перед сущностью, природой и субстанцией, тогда как в святоотеческом понимании различие между сущностью и ипостасями носит апофатический характер, а их совершенное единство обеспечивается тождеством единой энергии.

Безусловный ценностный приоритет лица или личности перед природой или сущностью определяет собой практически все стороны доктрины персоналистов, затрагивая все без исключения разделы их богословских размышлений и накладывая на них отчетливый отпечаток — в теологическом разделе — триадологию и христологию, в антропологическом — космологию, психологию и сотериологию, в экклезиологическом — сакраментологию. Не остается в стороне и аскетика с этикой. Логическим следствием предпочтения, отдаваемого лицу перед природой, является своеобразная атрибуция богословами-персоналистами энергии не природе, на чем стоит богословие Святых Отцов от Каппадокийцев до Максима Исповедника, Иоанна Дамаскина и Григория Паламы⁶, а ипостаси, лицу или личности, что приводит к серьезным нарушениям как в области триадологии (в ненарушимое единство Бога вносится дробность личных энергий) и христологии (проблематичным становится адекватное описание соединения двух природ во Христе), так и в антропологии, где возникают значительные трудности в описании творения человека, его богоподобия, грехопадения и искупления.

Другим следствием предпочтения, отдаваемого лицу перед природой, является искаженная христология, которая описывается Зизиуласом не в традиционных отношениях природ во Христе, а в некоем персональном концепте. Как отмечают критики этой части учения богословов-персоналистов, в особенности Зизиуласа, здесь богословский персонализм недалек от моноэнергизма и монофелитства, поскольку спасение рода человеческого исполняет личная энергия или воля Спасителя. Другая крайность, которой не удастся избежать персоналистам, заключается в отождествлении природ во Христе с личностями, что недалеко от несторианства. В учении о спасении методическое разведение лица и природы приводит к своеобразному пониманию того, в чем заключается спасение: как заключают персоналисты — в освобождении лица от природы.

Ключевым разделом всего исследования Ж.-К. Ларше современного богословского персонализма является шестой параграф первой главы второго раздела, красноречиво озаглавленный как «непатристический характер концепции сущности (или субстанции), природы, ипостаси, лица и индивида в персоналистских теориях Яннараса и Зизиуласа». Автору удается достаточно убедительно показать новаторский характер богословских построений современных греческих мыслителей, указать на многочисленные несовпадения и даже противоречия их положений святоотеческим. На широком круге святоотеческих свидетельств Ж.-К. Ларше показывает, что противопоставление сущности ипостаси, природы лицу не свойственно древней богословской традиции, опровергая тем самым первый тезис персонализма; тварная природа, может, и призвана стать носителем божественных энергий, получая тем самым свое конечное оправдание.

⁶Этому посвящено другое обстоятельное исследование нашего автора «Богословие божественных энергий», уже упоминавшееся выше, см. примеч. 1.

Идея персоналистов о том, что Бог преодолевает Свою природу, в свете патристической мысли звучит теологическим нонсенсом. Определение богословами-персоналистами лица или ипостаси, за которыми угадывается *личность*, не совпадает со святоотеческим определением. В патристической традиции ипостась не есть отношение, она не противоположна сущности или природе, но является ее осуществлением. Второй постулат персонализма о противоположности лица и индивида также не находит себе подтверждений в патристической традиции. Можно говорить об известной экзистенциальной динамике в святоотеческой антропологии и аскетике, но она описывается в других категориях, в частности в понятиях образа и подобия.

Можно было бы сказать, что Ж.-К. Ларше излишне категоричен в своем критическом сопоставлении современного персоналистского богословия и богословия Святых Отцов, однако богословы-персоналисты сами вполне сознательно берут на себя ответственность следования патристической традиции, которую, как блистательно показывает представленный в книге материал, самым решительным образом нарушают. Порой иные «лобовые» сопоставления заставляют читателя усомниться в добросовестности некоторых утверждений современных греческих богословов, лидеров персонализма. Так, Ларше приводит такие «параллельные» места на с. 274: Зизиулас пишет: «...мы никогда не встретим в признанной богословской традиции выражения “Бог есть одна *сущность*, три *индивида*”, и потому мы не можем утверждать, что лица Святой Троицы суть три индивида»; тогда как Иоанн Дамаскин пишет: «Отец, Сын и Святой Дух есть ипостась и индивид и лицо»⁷.

Исследование систем Яннараса и Зизиуласа завершается заключением, которое звучит своеобразным *приговором* современному персоналистскому богословию, произнесенному со строгих церковных позиций. Ввиду особой ответственности выводов, к которым сводится критика Ж.-К. Ларше, уместно привести дословно его основные положения: «В завершение настоящего разбора представляется очевидным, что персоналистские концепции Яннараса и Зизиуласа не основаны на учении Отцов Церкви вопреки утверждениям, но опираются на теории философского происхождения и связаны с направлениями современного персонализма и экзистенциализма... Наши два автора их дополнили, ввели в богословский контекст, придав им православный оттенок. Однако можно констатировать, что в своей основе эти теории находятся в смещении и даже противоречии с патристической традицией, хранительницей и наследницей которой является Православная Церковь... Персоналистские и экзистенциалистские предпосылки Яннараса и Зизиуласа, получившие свое систематическое выражение благодаря введению небольшого числа самостоятельных концепций... открывают дорогу для полного пересмотра православной триадологии, христологии, антропологии, экклезиологии и духовной традиции, существенно искажая их смысл и обнаруживая в самой своей сути редуционистский характер» (с. 395–396).

Запечатленная Ж.-К. Ларше картина, может быть, слишком красочна и контрастна, некоторые идеи главных героев исследования, пожалуй, выражены ис-

⁷ *Joannes Damascenus. Institutio elementaris 7.*

следователем слишком отчетливо, а их отдельные интуиции проведены чрезмерно последовательно, однако за всей этой острой критикой нельзя не признать достаточного основания для самых серьезных опасений, которые возникают при внимательном знакомстве с одним из наиболее ярких опытов современного православного богословия, каковым, несомненно, является богословие личности. Если придерживаться строгого методического различения теологической и антропологической сфер применения персоналистской методологии, то становится вполне очевидна, с одной стороны, ее несостоятельность в теологии, понимаемом как учение о Боге в Себе и Боге в Откровении, но с другой стороны, ее мощный потенциал в антропологии, который остался несколько недооцененным в исследовании Ж.-К. Ларше. Представляется вполне очевидным, что в этой области персоналистской традиции, включающей как богословские концепции, так и философские, принадлежат немалые заслуги. Эта школа в самом деле обогатила представление о личности, придав ему значительную глубину и обеспечив проникновение в трансцендентное измерение, что находилось вне рефлексии тринитарной или христологической мысли древней патристической традиции. Итак, фундаментальное исследование Ж.-К. Ларше со всей ясностью показывает, что современное богословие личности, или персоналистское богословие, ставшее весьма популярным направлением в развитии православного богословия и отечественного богословия, в частности, требует вдумчивого и подробного анализа в свете святоотеческого церковного наследия.

*П. Б. Михайлов
(ПСТГУ)*

Апполонов А. В., Винокуров В. В., Давыдов И. П., Осипова О. В., Фадеев И. А.
MAGNUM IGNOTUM: Алхимия. Иконология. Схоластика. М.: Книжный дом «Либроком», 2012. 224 с.

Объясняя свою избирательность в отношении явлений Средневековья, — а именно средние века названы в заглавии книги «великим неизвестным», — авторы ссылаются на французскую Школу анналов, принцип методологии которой состоит в непрерывной конкретизации системного видения истории за счет изучения единичных подробностей, результатом чего становится обновление самого этого видения и в конечном итоге асимптотическое приближение к недостижимому в гуманитарной науке идеалу точного знания. Поскольку исторические подробности средних веков, как и любой эпохи, бесчисленны, а нельзя объять необъятное, выбор авторов, продиктованный профессиональной ориентацией каждого из них, был довольно свободным. В то же время содержание пяти глав, составляющих монографию, последовательно выстраивается в классическую схему: поздняя Античность — европейское Средневековье — Схоластика — Реформация. Конечно, это можно было бы дополнить обращением к ренессансной тематике.